

© 2019 А.В. ГАСИЛИН

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ РЕЦЕПЦИИ В «БОДЛЕРЕ» Ж.-П. САРТРА

Гасилин Андрей Викторович — научный сотрудник.
Институт научной информации по общественным
наукам РАН.

Аспирант сектора аналитической антропологии.
Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: yottolk@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования является биография «Бодлер» Ж.-П. Сартра. Текст рассматривается в рамках сартровского проекта экзистенциального психоанализа. В исследовании выявляются ключевые особенности экзистенциального психоанализа Сартра, отличающие его от классического психоанализа З. Фрейда, такие как выраженный телеологический характер, этическая направленность, принципиальный антинатурализм и тесная взаимосвязь с классическими концепциями субъективности. В работе рассматриваются сартровские интерпретации ключевых психоаналитических понятий, таких как «бессознательное», «эдипов комплекс», «либидо», «нарциссизм», «желание смерти» и пр. Подчеркивается критическое отношение Сартра к натуралистической установке, лежащей в основе психоаналитического метода, выявляются общие принципы построения Сартром гуманистической версии психоанализа и роль последней в формировании сартровского биографического метода. При рассмотрении конкретного биографического материала особое внимание уделяется сартровскому анализу семейной ситуации Бодлера, в частности его отношений с матерью. Выявляется специфика сартровской критики классической интерпретации эдипова комплекса, а также его собственное смещение акцента с отцовского начала на фигуру Матери. Проводится сравнение сартровской интерпретации нарциссизма с классической психоаналитической трактовкой,

а также специфика сартровского подхода к феномену сексуальности. Рассматривается ключевое для экзистенциального психоанализа понятие «фундаментального проекта», лежащее в основе сартровского метода биографирования. Выявляется роль «первичной травмы» в формировании фундаментального проекта и способы ее компенсации. Выявляются скрытые переключки сартровской телеологии творческого субъекта с фрейдовской концепцией Эроса и Танатоса, а также концепцией «некрофильского характера», предложенной Э. Фроммом. Дается общая характеристика сартровского стиля биографирования, отличающего его психоаналитические реконструкции от традиционных биографий. Общим результатом работы является утверждение синтетической природы биографического метода Сартра, который лежит на пересечении его философских, литературных и критических интересов. Выявляются общие тенденции дальнейшего развития биографического метода Сартра в биографиях Ж. Жене, С. Малларме и Г. Флобера.

Ключевые слова: Сартр, Фрейд, Бодлер, психоанализ, экзистенциальный психоанализ, экзистенциализм, биография, литература, нарциссизм, феноменология.

Ссылка для цитирования: Гасилин А.В. Психоаналитические рецепции в «Бодлере» Ж.-П. Сартра // Человек. 2019. Т. 30, № 5. С. 20–37.
DOI: 10.31857/S023620070006439-9

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

Книга «Бодлер», опубликованная Сартром в 1946 году, знаменует любопытный поворот в его творчестве. Разительно отличаясь по форме и содержанию от классических жизнеописаний авторства Т. Готье [5], А. Труайя [12] и Ж.-Б. Бароняна [2], сартровская биография Бодлера с трудом вписывается в сам жанр биографии. «Бодлер» представляет собой синтетическое произведение, сочетающее в себе элементы литературной критики, философского эссе, психоаналитического описания и художественного произведения. Структура «Бодлера» непривычна, даже провокационна: Сартр не придерживается в своем изложении строгого хронологического порядка, жизнь его персонажа представляется читателю не чередой событий, следующих одно за другим, а скорее каким-то причудливым узором, который автор предлагает изучить, рассматривая один фрагмент за другим. Реальные биографические свидетельства (Сартр часто ссылается в своей работе на письма Бодлера) перемежаются с пространными психологическими реконструкциями и необычными трактовками художественных произведений французского поэта. Примечательно, что сартровская биография содержит крайне мало цитат из стихов Бодлера, гораздо меньше, к примеру, чем работа В. Беньямина [3], вышедшая за восемь лет до этого. Сартр чаще прибегает к ярким художественным образам и парадоксальным высказываниям, нежели биографическим фактам и документальным свидетельствам.

Заметим, что в отечественной критической литературе до сих пор не предпринималось попыток осуществить последовательный философский анализ «Бодлера», несмотря на очевидную взаимосвязь этой работы с философской антропологией Сартра, представленной в «Бытии и Ничто». Краткий пересказ ее содержания и поверхностную характеристику, данные Л. Андреевым в работе «Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век» [1], трудно признать успешным опытом философского осмысления. Наше исследование представляет собой попытку рассмотреть сартровского «Бодлера» в тесной связи с его философской антропологией, в особенности с его проектом экзистенциального психоанализа. Прежде всего нам потребуется выявить специфические черты экзистенциального психоанализа, отличающие его от психоанализа Фрейда, а затем рассмотреть применение этого метода на конкретном биографическом материале.

Первые наброски экзистенциального психоанализа можно обнаружить уже в военных дневниках Сартра, опубликованных после его смерти под общим названием «Дневники странной войны» [9]. Исполняя в первую очередь функцию исторического свидетельства, сартровские «Дневники» также являются своеобразной интеллектуальной лабораторией, в которой автор комбинирует методы психоанализа, феноменологической психологии и марксистской социологии, используя их для анализа собственной

биографии. Позже этот полевой материал будет использован им для разработки особой техники философского анализа, который Сартр назовет по аналогии с психоанализом Фрейда — экзистенциальным психоанализом.

Сам термин «экзистенциальный психоанализ» впервые появляется в трактате «Бытие и Ничто». Данный метод позиционируется Сартром в качестве своеобразной гуманистической ревизии классического психоанализа, в основе которой лежит отказ от натуралистической установки, свойственной последнему. Специфика данного метода раскрывается Сартром не столько через его детальное описание, сколько через сравнение с методом «эмпирического психоанализа» (*la psychanalyse empirique*) — так Сартр называет учение Фрейда. Согласно Сартру, обе версии, экзистенциальная и эмпирическая, не ищут в человеке некой метафизической или природной сущности, а описывают его как совокупность конкретных жизненных ситуаций, связанных воедино линией личной и семейной истории. Но если в психоанализе Фрейда основным источником материала для анализа служат воспоминания пациентов, в том числе вытесненные, то экзистенциальный психоанализ ориентирован прежде всего на работу с текстами: дневниками, мемуарами, перепиской, черновыми записями, опубликованными произведениями и т.п. Эта особенность сартровского подхода во многом определяет сферу его возможного применения: как правило, речь идет о биографиях известных писателей, чья творческая деятельность сопровождается большим количеством документов, оседающих в массивных авторских архивах. Применение на практике экзистенциального психоанализа предполагает обращение к массиву текстов, которые В.А. Подорога обозначает как *посмертный архив*. «Посмертный архив, — пишет он, — это, огрубленно говоря, “собрание клочков бумаги”, он не обладает собственным временем (и пространством), но открыт любому времени. Неизменное пребывание вне времени и позволяет ему пребывать в глубине истории, никогда не проявляясь на ее поверхности» [6]. Работа экзистенциального психоаналитика предполагает надделение посмертного архива собственным временем, его реанимацию к новой жизни в биографическом тексте. Рецепция посмертного архива, помимо прочего, предполагает реконструкцию конкретных жизненных ситуаций анализируемого: успех подобной реконструкции возможен, если у аналитика и анализируемого обнаруживается общее

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

Жан-Поль Сартр
(1905–1980)

Основную цель экзистенциального психоанализа Сартр обозначает следующим образом: «Расшифровать эмпирические поступки человека, то есть полностью осветить те открытия, которые каждый из них содержит, и зафиксировать их концептуально» [8, с. 840]. Хотя сама претензия на герменевтическое прочтение биографического материала роднит сартровский проект с учением Фрейда, предполагая наличие за видимыми биографическими фактами скрытых смысловых планов, сартровский подход к этой расшифровке существенно отличается от фрейдистского. В то время как Фрейд рассматривает конкретные жизненные ситуации в контексте своего учения о безличных психических функциях, таких как вытеснение, перенос, проекция и пр., Сартр видит в любой жизненной ситуации результат свободного выбора, направленного на реализацию индивидом так называемого «фундаментального проекта». «Фундаментальный проект, которым я являюсь, — пишет Сартр, — есть проект, касающийся не моих отношений с тем или другим отдельным объектом мира, но моего бытия-в-мире в целом. Этот проект ставит целью — поскольку сам мир открывается лишь в свете цели — определенный тип отношения к бытию, который для себя хочет поддерживать» [там же, с. 717]. Уже само использование Сартром понятия «проект» (от лат. *projectus* — выступающий вперед) подразумевает телеологический характер рассмотрения биографического материала, противопоставленный преимущественно ретроспективному анализу, который характерен для традиционных психоаналитиков. Иными словами, если классический психоанализ занимается преимущественно реконструкцией условий формирования тех или иных патологических образований и взгляд психоаналитика по большей части направлен в прошлое своего пациента, то гипотетический специалист по экзистенциальному психоанализу рассматривает авторский архив в перспективе целостного фундаментального проекта, — его интересуют цели биографируемого.

24

цензором. Заметим, что для сознания желание отнюдь не сводится к символической репрезентации. Поскольку желание существует через наше сознание и в нем самом, оно является именно тем, чем представляется: эмоцией, желанием спать, ощущением полета, отвращением к лавровым листьям в супе и пр.» [19, с. 61]. Таким образом, *сознательной*, согласно Сартру, является *любая* человеческая деятельность, включая различного рода аффекты, фобии, галлюцинации и мистификации. Чтобы объяснить многочисленные несовпадения рациональных мотивов человеческой деятельности со спонтанными, импульсивными, отнюдь не разумными ее проявлениями, Сартр вводит понятие ложной веры (*mauvaise foi*). Ложная вера предполагает наличие своего рода «второго дна» сознательной деятельности, ускользающего от наивного взгляда и обнаруживающегося в ходе психоаналитического исследования. Примеры, которые Сартр приводит для иллюстрации работы ложной веры (молодая женщина, заигрывающая с потенциальным любовником; официант, обслуживающий посетителей кафе; гомосексуалист, скрывающий свою сексуальную ориентацию) [8, с. 132–144], обнаруживают социальный характер этого явления: ложная вера всегда предполагает наличие чужого сознания, способного оценить, обобщить, объективировать деятельность сознания, попавшего в ее плен. В отличие от бессознательной деятельности, которая, согласно классическому психоанализу, присуща и животным, ложная вера представляется Сартру сугубо человеческим феноменом, в котором сознание пытается представить себя в виде определенных социальных стереотипов. В ложную веру человек погружается словно в сон, структура ее, по Сартру, «метастабильна»: в основе этой структуры лежит акт веры, препятствующий процессу критического осмысления. В результате субъект ложной веры формирует устойчивую позицию в отношении себя самого и собственной жизненной ситуации. Сартр характеризует эту позицию как своего рода бегство от мира, в ходе которого живое отношение к постоянно меняющимся жизненным обстоятельствам замещается абстрактной мыслительной схемой. В то же время ошибочно было бы объяснять склонность человека к ложной вере неким сбоем в «правильном» функционировании сознания. По Сартру ложная вера возможна только потому, что само «...сознание скрывает в своем бытии постоянный риск самообмана» [там же, с. 153], то есть ложная вера является закономерным следствием амбивалентности сознания, неопределимого по своей сути, но постоянно устремленного к собственному определению. В то же время самообман выступает главной «...угрозой всякого проекта человеческого бытия» [там же], тогда как основной целью экзистенциального психоанализа является выявление фундаментального проекта, предполагает также обнаружение конкретных

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

проявлений ложной веры, с помощью которых сознание скрывает себя в различных социально значимых образах. Таковы основные отличия сартровского экзистенциального психоанализа от метода Фрейда.

Рефлексивный нарциссизм

Более подробное сопоставление экзистенциального и классического психоанализа можно обнаружить в соответствующем исследовании [4], нас же интересуют лишь те совпадения между двумя подходами, которые повлияли на формирование сартровского биографического метода. Речь идет как о сознательных концептуальных заимствованиях, так и неявных параллелях между этими версиями психоанализа.

Прежде всего следует заметить, что Сартр вслед за Фрейдом придает огромное значение семейной ситуации своих «пациентов», определяющей основные смысловые линии их фундаментальных проектов. Характер взаимоотношений ребенка с родителями и ближайшим окружением, по мнению Сартра, определяет его социальную стратегию во взрослом состоянии: «Жизнь — это взятое под различными соусами детство», — пишет Сартр в биографии Флобера [10, с. 54]. Соответственно, вся реконструкция фундаментального проекта Бодлера ос-

новывается на анализе его семейной ситуации. Трудно назвать этот анализ систематическим: Сартр избегает последовательного изложения фактов бодлеровской биографии, приводя лишь те из них, которые могут подкрепить выдвигаемые им тезисы. Целые периоды жизни Бодлера оказываются за скобками биографического описания. К примеру, Сартр оставляет без внимания раннее детство будущего поэта, начиная повествование с 1828 года, когда мать семилетнего Шарля повторно выходит замуж за полковника Жака Опики, и мальчик отправляется в пансион [7, с. 4]. Заметим, что сартровская биография адресована сведущему читателю, который хорошо знаком с основными вехами жизни Бодлера, лицами, сыгравшими в его истории значимую роль, и имеет общее представление о его творчестве. Строго говоря, Сартр выступает не в столько роли биографа, сколько интерпретатора, объясняющего смысл тех или иных фактов биографии Бодлера с точки зрения единства его фундаментального проекта и обнаруживающего различные проявления ложной веры, мешающей его реализации.

Шарль Бодлер
(1821–1867)

При анализе семейной ситуации особый акцент делается на отношениях ребенка с отцом и матерью. Как и Фрейд, Сартр полагает, что характер этих отношений во многом определяет траекторию дальнейшего социального развития индивида и общую стратегию коммуникации с его окружением. Заметим, что Сартр принципиально отвергает одну из центральных для классического психоанализа концепцию эдипова комплекса, предпочитая мифологической метафоре, используемой Фрейдом, теологическую: «Долгое время Бодлеру пытались приписать не до конца изжитый эдипов комплекс, однако на самом деле не так уж существенно, воцелел Бодлер к своей матери или нет. Я полагаю, что он не хотел изживать в себе другой комплекс — теологический, заключавшийся в отождествлении родителей с божествами» [там же, с. 32]. Теологическая линия сартровской биографии получает дальнейшее развитие: детское обожествление родителей трансформируется по мере взросления в различные формы «богоборчества», в которых Бодлер представляет себя носителем inferнального начала. И, хотя в основе сартровского анализа лежит классический Эдипов треугольник Мать-Отец-Ребенок, ключевой фигурой в этой триаде оказывается не Отец, а Мать. Примечательно, что биологический отец Шарля, Франсуа Бодлер, в биографии практически не упоминается, а имя приемного отца, генерала Опики, возникает лишь в нескольких местах, оставаясь в тени Матери.

Подобно многим биографам Бодлера, историю его отношений с матерью Сартр делит на два периода: до и после ее повторного замужества. В первый период отношения Шарля с матерью Сартр характеризует как семейную идиллию, в которой мать и ребенок представляют собой гармоничную симбиотическую целостность: «Долгие прогулки, бесконечно нежные ласки... восхитительное время; я ощущал на себе материнскую нежность. Я все время был жив в тебе, а ты принадлежала мне одному» [там же, с. 36], — цитирует Сартр одно из писем Бодлера к матери, написанное в 1860 году. Повторное замужество матери Шарль воспринимает как личную катастрофу, появление в своей жизни тогда еще молодого и успешного полковника Опики юный Шарль склонен трактовать как акт измены со стороны матери: «В порыве безоглядного отчаяния, он сделался другим — не таким, как его мать, некогда составлявшая с ним единое целое, а теперь бросившая его, [...] наконец-то он осознает — и отныне желает осознать — свою единственность, испытывая при этом максимальное, доходящее до ужаса, наслаждение от собственного одиночества» [там же, с. 5]. Появление в жизни матери постороннего мужчины становится причиной глубокого экзистенциального кризиса Бодлера, в ходе которого он впервые задается вопросом о смысле собственного существования. В ситуации кризиса начинается

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

Как было сказано ранее, экзистенциальный психоанализ обнаруживает рациональную основу в любой человеческой деятельности, даже если речь идет о различного рода патологических проявлениях. Так, преувеличенный педантизм Бодлера Сартр считает одним из многочисленных проявлений его нарциссизма, который представляется аналитику сугубо рассудочной стратегией, вытекающей из повышенной склонности Бодлера к рефлексии. Существует определенное сходство между сартровской трактовкой нарциссизма и значением этого термина в психоанализе Фрейда. В частности, в своем анализе детских воспоминаний Леонардо да Винчи Фрейд высказывает предположение, что первичный детский нарциссизм является результатом вытеснения ребенком влечения к матери: «Мальчик вытесняет любовь к матери, ставя самого себя на ее место, отождествляет себя с матерью и свою собственную личность берет за образец, выбирая схожих с ним объектов любви» [13, с. 42]. Соглашаясь с тем, что первичным условием формирования нарциссизма является сильное влечение ребенка к матери, экзистенциальный психоанализ в то же время отвергает представление о нем как о безличном механизме распределения либидинальной энергии, участвующей в формировании Я. Отрицая наличие в человеческой психике каких-либо безличных бессознательных механизмов, рассматривая даже патологические черты личности как результат свободного выбора, Сартр представляет нарциссизм Бодлера в качестве сознательной жизненной стратегии, с помощью которой тот пытается преодолеть упомянутый экзистенциальный кризис. Особый акцент в сартровском анализе делается на взаимосвязи нарциссизма Бодлера и его склонности к рефлексии. Последняя помогает поэту преодолеть острое чувство нехватки, возникшее на месте утраченного симбиотического союза с матерью, цель рефлексии — восстановить утраченную целостность в законченности собственного образа. Непрерывное самосознание позволяет Бодлеру добиться чувства самообладания через овладение собственным представлением о себе: «Бодлер — человек, попытавшийся увидеть себя со стороны, словно другого, и вся его жизнь есть история этой неудавшейся попытки» [7, с. 12], — кратко резюмирует Сартр суть бодлеровского фундаментального проекта. В частности, известную тягу Бодлера ко всему искусственному и резкое, доходящее до отвращения неприятие всего природного, Сартр объясняет его желанием иметь дело только с тем, что

представляет собой продукт сознательной деятельности. Только совершенный образ, полностью очищенный от случайных, «естественных» проявлений, может его удовлетворить.

Несмотря на преимущественно интроспективный характер сартровской реконструкции бодлеровского нарциссизма, представляющей его в виде рекурсивной игры зеркальных отражений собственного образа, в нем намечается выход в социальное измерение: «Тождественный и нетождественный себе, наблюдатель и объект наблюдения в одном лице, Бодлер как будто бы допускает внутрь себя око других, чтобы уразуметь себя как другого; миг, когда он видит себя, — это миг торжества его свободы, неподвластной чужим взглядам именно потому, что она сама есть не что иное, как взгляд» [там же, с. 55]. В конечном счете сартровский Бодлер понимает, что желанная целостность может быть достигнута только в глазах других — матери, приемного отца, знакомых, парижского общества.

Из потребности быть оцененным и вызывать интенсивную реакцию окружающих (далеко не всегда положительную) возникает и пресловутый дендизм Бодлера. Согласно Сартру, дендизм представляет собой особую социальную стратегию, которая не может быть сведена к определенному образу жизни или стилю мышления, — в ее основе лежит попытка обрести целостность в законченном образе, очищенном от случайной «естественности», представляющем собой продукт свободной творческой мысли. Сартровская трактовка обнаруживает глубокую этическую подоплеку дендизма как эстетической установки: дендизм помогает Бодлеру сбываться, обрести целостность, превратить свою жизнь в продукт собственного творчества. Выйдя за рамки сартровской интерпретации, можно заметить, что эта попытка заранее обречена на провал, и причины этой неудачи лежат отнюдь не в этическом поле. Имитируя социальную стратегию дендизма, которая, по замечанию В. Беньямина, восходит к культуре лондонских биржевиков, сочетающих томную расслабленность аристократа с моментальной реакцией расчетливого буржуа, внимательно отслеживающего любое изменение на рынке [3, с. 109], Бодлер не был в ней столь успешен, как могло показаться на первый взгляд. Будучи мощным орудием захвата и поддержания общественного престижа, обеспечивающим новой английской буржуазии доступ в аристократические круги, в руках Бодлера дендизм превращается в экстравагантную игру, отталкивающую от него потенциальных инвесторов, способствующую росту его мизантропии и изоляции. Таким образом, включив в свой анализ дендизм в качестве социальной стратегии Бодлера, Сартр оставил за скобками первоначальный смысл этой стратегии, стоящие за ней идеологию, экономические условия и политическую ситуацию. Недостаточная проработка историко-социального контекста — явный недостаток сартровского «Бодлера», и, судя

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

по содержанию следующих биографий, в которых социальный фон проработан значительно лучше, Сартр хорошо осознавал этот недостаток.

Амбивалентная сексуальность и «ледяной эротизм»

Затронув проблему бодлеровского нарциссизма и характер его отношений с матерью, мы до сих пор обходили вниманием тему сексуальности, занимающую немало место в работе Сартра. Пристальное внимание к этой теме является одним из ключевых заимствований экзистенциального психоанализа у психоанализа классического. «Не обладает ли человек полом только потому, что он первоначально и фундаментально есть сексуальное бытие, как бытие, которое существует в мире в связи с другими людьми?» [8, с. 585–586] — спрашивает Сартр в трактате «Бытие и Ничто». Как видно уже из приведенного фрагмента, сартровская трактовка сексуальности не сводится к половым отношениям, основанным на инстинкте репродукции: сексуальность выступает фундаментальной категорией, определяющей характер именно *человеческих* отношений с присущей им сложной партитурой взглядов, жестов и поступков. В конечном счете, сексуальность представляется Сартру одной из сфер сознательной деятельности, и он не склонен, подобно Фрейду и его последователям, представлять ее в терминах экономики либидинальных отношений. Да и сама концепция либидо, сводящая многие виды сознательной деятельности к сублимации полового влечения, кажется Сартру совершенно неудовлетворительной, — данный термин напрочь отсутствует в биографии Бодлера, хотя вопрос о специфике бодлеровской сексуальности поднимается на ее страницах с завидной частотой.

По Сартру сексуальность пронизывает человеческое общество, начиная с раннего детства. Так, детские отношения Бодлера с матерью задают общую модель его взаимодействия с будущими любовницами. Заимствуется и парадоксальная амбивалентность этих отношений, возникшая в результате экзистенциального кризиса и представляющая собой контрастное сочетание таких проявлений, как жестокость и нежность, желание нравиться и потребность вызывать отвращение, — согласно Сартру, эта амбивалентность является характерной чертой бодлеровской сексуальности как присущего ему способа выстраивать отношения с Другим.

Например, стремление Бодлера обрести утраченную целостность в законченном образе, сделаться плодом собственного творчества, будучи спроецированным на сексуальную сферу,

выражается в глубоком отвращении к естественной красоте обнаженного женского тела и природному смыслу полового акта: «Совокупляться — значит стремиться к проникновению в другого, художник никогда не выходит за пределы себя» [7, с. 48], — так описывает Сартр отношение Бодлера к традиционному пониманию сексуальности, согласно которому физическое соединение любовников является кульминацией эротической игры. Впрочем, Бодлер отнюдь не отрицает плотскую любовь как таковую, ему отвратителен лишь естественный смысл сексуального акта, чреватого случайностью рождения.

Еще раз обратим внимание на амбивалентность, которой характеризуется отношение сартровского Бодлера к женщинам. С одной стороны, это отношение исполнено глубочайшего эротизма, с другой — этот эротизм имеет как бы сверхприродный характер: избегая естественности, он устремляется в холодное царство минералов, где обретает завершенность в застывших кристаллических образах: «Бодлер создает вокруг себя леденящую атмосферу, в которой не способны выжить ни сперматозоиды, ни бактерии, ни какие-либо другие зародыши жизни; этот холод одновременно воплощает свет с его белизной, и жидкость с ее прозрачностью, напоминающую ту ауру сознания, в которой растворяются не только инфузории, но и любые твердые частицы. Это — ясный свет луны и жидкий воздух, это великая, пронизывающая нас сила, которой веет от минерального царства, это зима на горных вершинах» [там же, с. 48]. Поэзия Бодлера пронизана жадной любви, но это не та спонтанная любовь, которая ищет интимного общения и душевной близости, а чисто умозрительная любовь к холодной прозрачной идее женственности, доведенной в своем логическом совершенстве до полного отсутствия спонтанности, в конечном счете, жизни. Любовь становится у Бодлера источником не жизни, а смерти, устремляясь к завершению всякого развития и оформлению предмета любви в законченном монолитном образе.

Смертельный характер бодлеровского эротизма, на который обращает внимание Сартр, обнаруживает еще одну неявную параллель между сартровской и фрейдовской версиями психоанализа. Речь идет о противопоставлении двух фундаментальных влечений: влечения к жизни (Эрос) и влечения к смерти (Танатос). В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд использует понятие «инстинкт смерти» для обозначения присущего любому живому организму стремления вернуться в исходное неорганическое состояние: «Если мы примем как не допускающий исключения факт, что все живущее вследствие внутренних причин умирает, возвращается к неорганическому, то мы можем сказать: целью всякой жизни является смерть, и обратно — неживое было раньше, чем живое...» [16, с. 405]. Говоря о конечной цели бодлеровского

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

В «Анатомии человеческой деструктивности» Эриха Фромма высказывается предположение о возможной взаимосвязи между некрофильскими чертами характера и злокачественным влечением к инцесту. Одной из причин формирования подобных патологических черт Фромм называет наличие «травмирующих обстоятельств раннего детства, которые могли поселить в душе ребенка такую горечь, ненависть и боль, что душа “застыла” от горя, а позднее это состояние трансформировалось в злокачественный инцестный комплекс» [17, с. 314–315]. Если считать описанный кризис идентичности Бодлера, вызванный вторым замужеством матери, таким травмирующим обстоятельством, то разнородные черты Бодлера — такие как культ холодности, нарциссизм, дендизм, отвращение к женской наготы и предпочтение фригидных женщин, — являются различными проявлениями присущего ему влечения к смерти. В пользу подобных параллелей говорит еще и тот факт, что некрофилия, согласно Фромму, не является естественной функцией организма, стремящегося к неорганическому состоянию, как фрейдистский инстинкт смерти, а представляет собой специфическое нарушение в естественном развитии природных отношений, присущее исключительно человеку. Конечно, из этого отнюдь не следует, что Сартр мог бы согласиться с применением фроммовской концепции некрофилии к случаю Бодлера, но эти две психоаналитические интерпретации роднит между собой особый акцент на моральной подоплеке влечения к смерти.

В конечном счете сартровский экзистенциальный психоанализ остается глубоко гуманистическим методом. Потребность Бодлера в творческой деятельности Сартр толкует не с точки зрения фрейдистской теории сублимации, а в терминах Свободы: «Творчество — это свобода как таковая. Ей ничто не предшествует, она начинается с того, что полагает свои собственные принципы и, прежде всего, собственную цель» [7, с. 24]. Указанная характеристика проясняет основную цель самой сартровской работы: это, прежде всего, утверждение человеческой Свободы в конкретном жизнеописании.

Представленный обзор позволяет сделать вывод, что сартровский экзистенциальный психоанализ, позаимствовав ряд элементов из классического психоанализа, все же не принадлежит ни одному из современных психоаналитических направлений, восходящих к методу Фрейда. И дело не столько в полном отсутствии в нем психотерапевтического измерения и клинической базы, которые вполне согласуются с антинатурализмом сартровского подхода, сколько в его этических предпосылках. Несмотря на отдельные моменты, которые можно было бы счесть весьма прогрессивными и даже революционными в 1940–1950-е годы (повышенное внимание к феномену сексуальности, свободное обсуждение вопросов гендерной идентичности и сексуальных предпочтений биографируемого), сартровский анализ все же не выходит за рамки традиционной этической позиции, рассматривающей человека как уникальное живое существо, носителя разумного начала и свободной воли. Влияние этой традиции позволяет объяснить принципиальное неприятие Сартром фундаментального для психоанализа понятия бессознательного, так как последнее (с точки зрения этики свободной воли) снимает проблему ответственности, превращая субъекта действия в игрушку безличных психических сил и различного рода комплексов. Желание Сартра во что бы то ни стало сохранить в философском тезаурусе понятие Свободы, более того, положить его в основу своего биографического метода, имеет любопытные последствия. Заимствуя у Фрейда лишь отдельные темы и понятия, Сартр остается чужд самому психоаналитическому подходу, игнорирующему духовное и телеологическое измерения человеческого опыта. Даже в тех местах, где метод Сартра обнаруживает переклички с психоанализом Фрейда, видна специфика его этико-телеологического подхода. Так, позаимствовав у Фрейда интерес к семейной диспозиции и в особенности к отношению ребенка с родителями, Сартр пытается выявить не универсальные безличные механизмы,

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

включающиеся в тех или иных социальных обстоятельствах, а специфический характер отношений, возникающий в результате сознательной реакции человека на конкретную ситуацию. Даже столкнувшись в своем исследовании с патологическими проявлениями сексуальности (такими как фетишизм, садизм, мазохизм, некрофилия), Сартр рассматривает их не как личностные деформации, возникшие в результате отклонений в нормальном развитии индивида, а как результат сознательного, свободного выбора. В результате, внешне напоминая классическую патографию (в качестве примера таковой можно привести случай Д.П. Шребера, рассмотренный Фрейдом в 1911 году [15, с. 133–203]), сартровская биография Бодлера все-таки не может быть отнесена к этому жанру психоаналитических исследований, так как в ней напрочь отсутствует патологическое измерение: жизнь Бодлера представляется не как анамнез заболевания, а как история *уникального* творческого проекта.

Следует заметить, что сартровский анализ биографии Бодлера не является научным исследованием и даже не претендует на этот статус. Доля художественного вымысла здесь настолько велика, что стоило бы говорить скорее о *конструировании* биографии, нежели о ее *реконструкции*. В конечном счете, в сартровском портрете Бодлера просвечивают черты самого автора. Обратим внимание на сходство в биографиях Сартра и Бодлера: и тот, и другой рано потеряли отцов, но имели любящих матерей, к которым относились с необычайной нежностью, на грани инцестуозного влечения. Так, описывая в «Словах» свои детские годы, Сартр простодушно упоминает свои планы касательно женитьбы на собственной матери [11, с. 31]. Детьми оба пережили глубочайшее потрясение: их нежные, интимные отношения с матерью были нарушены внезапным вторжением извне: оба обрели второго отца — отчима. В случае Сартра это стало глубочайшей травмой, одним из способов компенсации которой стало его страстное увлечение литературой [18, с. 34]. Внезапное вторжение полковника Опики в жизнь юного Шарля также толкуется Сартром как причина глубокой экзистенциальной травмы, а весь бодлеровский проект представляется ему последовательным преодолением ее последствий. Как результат, мы наблюдаем некоторую пристрастность Сартра при рассмотрении отношений Бодлера с его отчимом. Шаржированный образ генерала Опики, этого «деда с розгами» [7, с. 36], донельзя упрощает сложные отношения Бодлера со своим приемным отцом, в которых, по свидетельству биографов, были длительные периоды искренней симпатии. Сартр, которому его отчим представлялся исключительно отрицательным персонажем, живым воплощением мещанской ограниченности и военного формализма, был склонен к идеализации бодлеровского «бунта против отцовского авторитета».

Несмотря на ряд недостатков, вполне объяснимых для первого опыта «практического» применения экзистенциального психоанализа, «Бодлер» сыграл весомую роль в развитии сартровского биографического метода. В нем наметились характерные приемы (такие как анализ семейной ситуации, особое внимание к теме сексуальности, рассмотрение бытовых и социальных элементов в качестве различных аспектов единого личностного проекта) и основные темы, которые будут развиты в последующих биографиях — Ж. Жене, С. Малларме, Г. Флобера. Сартровский «Бодлер» представляется нам первым шагом в развитии его биографического метода, смысл этого произведения в полной мере может быть раскрыт только в контексте самого сартровского проекта.

А.В. Гасилин
Психоаналитические
рецепции
в «Бодлере»
Сартра

Литература

1. Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Гелос, 2004.
2. Баронян Ж.Б. Бодлер. М.: Молодая гвардия, 2012.
3. Беньямин В. Бодлер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
4. Гасилин А.В. Экзистенциальный психоанализ Ж.-П. Сартра как метод философской антропологии // Филология: научные исследования. 2015. № 4. С. 331–339.
5. Готье Т. Шарль Бодлэр: Биограф. характеристика: с портр. Бодлера. СПб.: АО тип. дела в СПб., 1910.
6. Подорога В.А. К философии архива // Досье на цензуру. 2001. № 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://index.org.ru/journal/14/podoroga1401.html> (дата обращения: 22.06.2019).
7. Сартр Ж.-П. Бодлер / пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: УРСС, 2004.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015.
9. Сартр Ж.-П. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 — март 1940. СПб.: Владимир Даль, 2002.
10. Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер с 1821 до 1857 года. СПб.: Алетейя, 1998.
11. Сартр Ж.-П. Слова. М.: Прогресс, 1996.
12. Труайя А. Бодлер. М.: Молодая гвардия, 2006.
13. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства. М.; Берлин: Директ Медиа, 2015.
14. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия: критически-историческое исследовательское издание. Ижевск: Егго, 2018.
15. Фрейд З. Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Навязчивость, паранойя и пerversия. М.: Фирма СТД, 2006.
16. Фрейд З. Психология бессознательного. Сборник произведений. М.: Просвещение, 1990.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
18. Contat M., Rybalka M. Les écrits de Sartre: Chronologie, bibliographie, commentée. Paris: Gallimard, 1970.
19. Sartre J.-P. Esquisse d'une théorie des émotions. Paris, 2015.

Psychoanalytic Receptions in *Baudelaire*, by Jean-Paul Sartre

Andrey V. Gasilin

Researcher.

Institute of Scientific Information on Social Sciences.

Russian Academy of Sciences.

Postgraduate Student.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation.

E-mail: yottolk@gmail.com

Abstract. The subject of the research is the biography “*Baudelaire*” by J.-P. Sartre. The text is considered within the Sartre’s project of existential psychoanalysis. The study identifies key features of Sartre’s existential psychoanalysis, in contrast to classical psychoanalysis of S. Freud, such as its explicit teleological orientation, deep ethical background, principal antinaturalism, as well as close relationship with the classical concepts of the subjectivity. The research reveals several key aspects of Sartre’s interpretations of special psychoanalytic concepts, such as “unconscious”, “Oedipus complex”, “libido”, “narcissism”, “death drive”, etc. The research emphasizes Sartre’s critical arguments to the naturalistic attitude of classical psychoanalytic method and the humanistic spirit of existential psychoanalysis. The paper discovers the role of the latter in the genesis of Sartre’s biographical method. When referring to the biographical material, special attention is paid to Sartre’s consideration of Baudelaire’s family situation, particularly, relationships with his mother. The research considers Sartre’s criticism of the classical interpretation of Oedipus complex, as well as his own shift from the Father’s origins to the figure of Mother. Comparative analysis of both methods includes Sartre’s interpretation of Baudelaire’s narcissism in coherence with his tendency to reflection, as well as Baudelaire’s specific feeling of sexuality. The research reveals hidden intersections of the Sartre’s interpretations of Baudelaire’s “fundamental project” with the Freudian concepts of Eros and Thanatos, as well as the E. Fromm’s theory of the “necrophilous personality”. In conclusion, the author outlines the trends of the further development of the biographical method of Sartre in the biographies of Jean Genet, Stefan Mallarmé and Gustave Flaubert.

Keywords: Sartre, Freud, Baudelaire, psychoanalysis, existential psychoanalysis, existentialism, biography, literature, narcissism, phenomenology.

For citation: Gasilin A.V. Psychoanalytic Receptions in *Baudelaire*, by Jean-Paul Sartre // *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 5. P. 20–37.

DOI: 10.31857/S023620070006439-9

References

1. Andreyev L.G. *Zhan-Pol’ Sartr. Svobodnoye soznaniye i XX vek* [Jean-Paul Sartre. Free consciousness and the twentieth century]. Moscow: Geleos Publ., 2004.

2. Baronian J.B. *Bodler* [Baudelaire: transl. from French]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2012.
3. Benjamin W. *Bodler* [Baudelaire: transl. from German]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2015.
4. Gasilin A.V. Ekzistentsial'nyy psikhoanaliz J.-P. Sartra kak metod filosofskoy antropologii [Existential psychoanalysis of J.-P. Sartre as a method of philosophical anthropology]. *Filologiya: nauchnyye issledovaniya*. 2015. № 4. P. 331–339.
5. Gautier T. *Sharl' Bodler: Biogr. kharakteristika: S portr. Bodler* [Charles Baudelaire: Bio-characteristics: transl. from French]. St. Petersburg: AO tip. dela v SPB, 1910.
6. Podoroga V.A. K filosofii arkhiva [On the philosophy of the archive]. *Dos'ye na tsenzuru*. 2001. N 14. [Electronic resource] URL: <http://index.org.ru/journal/14/podoroga1401.html> (date of access: 06.22.2019).
7. Sartre J.-P. *Bodler* [Baudelaire: transl. from French by G.K. Kosikov]. Moscow: URSS Publ., 2004.
8. Sartre J.-P. *Bytiye i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness. Experience of phenomenological ontology, transl. from French]. Moscow: AST Publ., 2015.
9. Sartre J.-P. *Dnevnik strannoy voyny. Sentyabr' 1939 — mart 1940* [Diaries of a strange war. September 1939 — March 1940: transl. from French]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002.
10. Sartre J.-P. *Idiot v sem'ye. Gyustav Flober s 1821 do 1857 goda* [Idiot in the family. Gustave Flaubert from 1821 to 1857: transl. from French]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998.
11. Sartre J.-P. *Slova* [The words: transl. from French]. Moscow: Progress Publ., 1996.
12. Troyat A. *Bodler* [Baudelaire: transl. from French]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2006.
13. Freud S. *Leonardo da Vinchi. Vospominaniye detstva* [Leonardo da Vinci's childhood memories: transl. from German]. Moscow-Berlin: Direkt Media Publ., 2015.
14. Freud S. *Po povodu printsipa udovol'stviya: kriticheski-istoricheskoye issledovatel'skoye izdaniye* [On the principle of pleasure: a critical historical research publication], transl. from German. Izhevsk: Ergo, kop. 2018.
15. Freud S. *Psikhoanaliticheskiye zametki ob odnom avtobiograficheski opisannom sluchaye paranoyi* [Psychoanalytic notes on an autobiographically described case of paranoia, transl. from German]. Freud S. *Sobr. soch.: v 10 t. T. 7. Navyazchivost', paranoyya i perversiya*. Moscow: Firma STD Publ., 2006.
16. Freud S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious: transl. from German]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1990.
17. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness: transl. from English]. Moscow: Respublika Publ., 1994.
18. Kontat M., Rybalka M. *Les ecrits de Sartre: Chronologie, bibliographie, commentée*. Paris: Gallimar, 1970.
19. Sartre J.-P. *Esquisse d'une theorie des emotions*. Paris, 2015.

А.В. Гасилин
Психоаналитиче-
ские рецепции
в «Бодлере»
Сартра